Константин Победоносцев
Обер-консерватор

Мало кому из русских государственных деятелей досталось столько неприязни и лжи, как Константину Петровичу Победоносцеву (1827–1907) – юристу, мыслителю-консерватору, близкому советнику двух государей, четверть века (1880–1905 гг.) фактически возглавлявшему Русскую Церковь в должности обер-прокурора Святейшего Синода. Как его только не называли: «визирь»; «вампир»; «хорек, научившийся диалектике»; «страшный нигилист»; «экспроприатор заплесневелых библиотек».

Многие помнят строки А. Блока «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», хотя никто не помнит продолжения:

«под умный говор сказки чудной уснуть красавице нетрудно», то есть у «колдуна» были и ум и своя чудная сказка. Ещё больше тех, кто «помнит» вымышленные факты: Ф. Достоевский списал с Победоносцева своего Великого Инквизитора, для Л. Толстого он послужил прототипом Каренина, за что обер-прокурор, якобы, отомстил писателю, отлучив его от Церкви.

Достоевский был близким другом Победоносцева – в образе инквизитора спрессовалось их общее неприятие римского католицизма и западной цивилизации, заменившей Правду «хлебами». Лев Толстой, работая над «Анной Карениной», не был знаком с Константином Петровичем. А в 1881 году писатель обратился к обер-прокурору с просьбой передать Александру III призыв помиловать народовольцев-цареубийц. Это, конечно, было бы полной нелепицей, если бы он только что ославил влиятельного сановника рогоносцем. Победоносцев-Каренин – выдумка позднейшего времени.

Нет сомнений, что на небосклоне эпохи Победоносцев был ярким светилом. Юрист, крупный специалист по гражданскому праву, участник судебной реформы, а затем жесточайший критик того, что из неё в итоге получилось, особенно суда присяжных. Наставник рано умершего наследника и двух царей – Александра III и Николая II, образовавший их ум в духе православия, русского патриотизма и незыблемости самодержавия. Консерватор, язвительно критиковавший «великую ложь нашего времени» – демократию, парламентаризм, печать, независимые суды, отделение церкви от государства, и не допустивший появления в России парламента ни в предлагавшемся либеральными бюрократами западном виде, ни в «истинно русском» виде Земского собора, продвигавшемся славянофилами.

В основе мировоззрения К. Победоносцева лежала безграничная преданность Православию как безусловной Истине. «Любите выше всего на свете нашу Церковь, любите так, как любит человек, который однажды узнавши верховную

красоту и ничего не хочет променять на неё…» – призывал он в 1880 году в Ярославле выпускниц училища для дочерей священников.

При этом Церковь он не отделял от государства. Напротив, был уверен, что «государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нём обозначается представительство духовное… В ту пору как заложены были первые основания европейской цивилизации и политики, христианское государство было крепко цельным и неразрывным союзом с единою христианской церковью… Церковь не может отказаться от своего влияния на жизнь гражданскую и общественную». И это же побуждало противодействовать планам возрождения в России патриаршества. Там, где другие видели восстановление древнецерковного строя, там Победоносцеву чудился разрыв церковных и государственных начал, вторжение западного призрака «свободной церкви в свободном государстве», где, на деле, вера считается частным и приватным делом человека, наподобие болезни или адюльтера.

Безграничная преданность православной истине заставляла Победоносцева требовать ограничительных и репрессивных мер и для католиков, и для баптистов, и для сектантов, и даже для старообрядцев, к которым, несмотря на их традиционализм, он был проникнут иррациональной враждебностью как к бунтовщикам против иерархии. Сановник был и противником поощрения в православной Империи нехристианских религий – буддизма и ислама («когда правительство русское берет на себя роль, так сказать, блюстителя за воспитанием в строго мусульманском законе – положение становится фальшивым»).

Но больше всего роптали на обер-прокурора за принуждение к Православию… самих православных. Одних возмущал проведенный им запрет показа спектаклей в Великий Пост. Других – противодействие к упрощению процедуры развода. Семинаристов чрезвычайно раздражала политика принуждения их к посещению богослужений. То, что

учащихся духовных учебных заведений приходится принуждать молиться, им, почему-то, странным не казалось. Секуляризующееся российское общество не принимало попыток К. Победоносцева подчинить себя диктату единой истины при помощи проповеди и предписаний, хотя вскорости придут те, кто надолго навяжет единую ложь расстрелами и партвзысканиями.

Впрочем, в церковности Победоносцева было нечто одностороннее. Любя Православие сентиментальным сердцем и защищая его взвешенным умом, Константин Петрович странным образом отказался отчужден от Духа – того главного, что строит Церковь. Он совершенно не понимал и не чувствовал православной мистики (хотя неплохо разбирался в мистике католической). В отличие от друзей – Ф. Достоевского и К. Леонтьева – он ни разу не посетил старцев Оптиной Пу́стыни. Предание (возможно апокрифическое) передает фразу, якобы сказанную им праведному Иоанну Кронштадтскому: «Про вас говорят, что вы молебны служите, чудеса творите, смотрите, как бы вы плохо не кончили».

Несомненно, что лишь самодержавной волей Государя Николая II, навязанной и Синоду и обер-прокурору, состоялось прославление преподобного Серафима Саровского в 1903 году. К. Победоносцева вообще не слишком привлекали канонизации святых – вместо них он в эпоху своего могущества проводил церковно-общественные торжества, такие как празднование 900-летия Крещения Руси в Киеве, в рамках которого был установлен знаменитый памятник Богдану Хмельницкому, или 500-летие преставления преподобного Сергия Радонежского с грандиозным крестным ходом из Москвы к мощам Игумена Земли Русской.

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), гонимый обер-прокурором из столиц на дальние кафедры, счёл, всё же, необходимым откликнуться на отставку Константина Петровича таким письмом-панегириком: «Вы не были продолжателем административной рутины, как желают

представить ваши жалкие бездарные критики. Напротив, вы поднимали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до вас администрации неведомые. Дело церковно-приходских школ вы, таким образом, подняли и вынесли на своих плечах… Приближение духовной школы к духовным нуждам народа, к жизни Церкви… Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие… на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран… Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ…»

Те, кто общался с Константином Петровичем лично, находили его интереснейшим, энциклопедически образованным собеседником, отмечали доброту, милосердие, отзывчивость. Он был крупным благотворителем, тратившим десятки тысяч рублей на помощь ближним, помогал и протекцией и деньгами Достоевскому, Васнецовым, Чайковскому.

Однако знавшим Константина Петровича трудно было удержаться и от упреков. Почти единодушный приговор мемуаристов – творческое бесплодие, преобладание критики над созиданием. Этим он разочаровал даже единомышленников консерваторов и, если верить мемуарам графа С. Витте, даже самого Александра III, якобы сказавшего о своём былом учителе: «одною критикою жить нельзя, а надо идти вперёд, надо создавать».

К. Победоносцева часто называют «идеологом дворянских контрреформ», но это недоразумение – документы фиксируют, что, к удивлению союзников-консерваторов, таких как М.Н. Катков, он сопротивлялся реакционным начинаниям не менее яростно (хотя менее успешно), чем радикальным. Попытка усмирить крестьян с помощью дворянства представлялась ему нарушением надсословного характера русского самодержавия. Обер-прокурор был не согласен

«с мыслью посредством дворян обуздать народ, забыв, что дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию».

Он вообще не верил ни в какую перемену государственных учреждений, новые законы казались ему пересаживанием музыкантов в крыловском «квартете»: «Зачем строить новое учреждение, когда старое учреждение потому только бессильно, что люди не делают в нём своего дела как следует».

Победоносцеву представлялись страшным грехом любые преобразования, не только либеральными. Любое проектирование будущего он считал головными беспочвенными мечтаниями, противоречащими жизни. Слово «жизнь» одно из самых частых в его лексиконе. Однако вот парадокс – это понятие трактуется им не как движение, активность, борьба, что более привычно для нашей эпохи, а напротив – как не возмущаемое страстями струение бытия. «Да тихое безмолвное житие поживем».

Любой «проект» представлялся ему искусительной «мечтой» (любимое отрицательное определение, попавшее даже в речь Николая II и вызвавшее скандал – «бессмысленные мечтания»), угрожающей спокойствию жизни; любая борьба идей и программ – чванливой суетой, в которой не может быть правого и виноватого, где всё «оболживело» (ещё одно любимое слово); любые деятельные, знаменитые, амбициозные люди – угрозой тем тихим смиренным провинциальным труженикам, которых он воображал опору истинной общественной пользы.

Консерваторы, защитники начал народности и традиции, пользовались у Победоносцева не большей, а порой и меньшей поддержкой, чем их оппоненты, особенно если те были активны, настойчивы и стремились к общественной самоорганизации. «Общественное мнение повсюду, тем более у нас в России, я считаю обманчивой мечтой и вижу на опыте целой жизни, как при помощи его не разъясняется, а извращается истина».

Любая напряженная борьба, включая борьбу за Истину, встречала его глухое противодействие. «Если бы в те времена спросили тебя: созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, не состоялись» – иронизировал над Константином Петровичем славянофил Иван Аксаков.

Собственная «идея» Победоносцева не случайно характеризуется исследователями как своего рода «консервативное народничество». Победоносцев был противником не только либералов и революционеров, но и петербургской бюрократии. Самодержавная монархия рисовалась ему опирающейся на простого человека, как неформальная сеть скромных тружеников, которых царские доверенные советники найдут в глубинке. Его соратником и идеалом был Сергей Александрович Рачинский, оставивший профессорство в Москве и открывший сельскую школу у себя в Смоленской губернии (именно эту школу прославила знаменитая картина «Устный счёт» Н. Богданова-Бельского). Эти чаемые работники, как представлял Константин Петрович, будут улучшать жизнь, трудясь «в тишине, по углам», «в своём тесном кругу», «в бедности, простоте и смирении».

«Простота» – ещё одно любимое слово этого консервативного мыслителя. «Что просто – то право». Как только простое интуитивное чувство отягощается рефлексией, становится частью самосознания человеческого «я», оно уже кажется К. Победоносцеву отравленным. Поразительно, что будучи непримиримым оппонентом Л. Толстого в вопросах религии и общественных идей, К. Победоносцев удивительно близок с ним в философии. И тот и другой стремятся к опрощению, ставят идеалом русского человека: кого-то вроде Платона Каратаева.

Настоящей опорой Руси и самодержавного порядка представлялся К. Победоносцеву простой народ, который в своей темноте и непросвещенности хранит веру Церкви и верность

Государю. Народ постигает истину интуитивно, практически без посредства учения Церкви – мысль, балансирующая на грани ереси.

«Какое таинство религиозная жизнь народа такого, как наш, оставленного самому себе, неученого! Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. В иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной… И, однако, во всех этих невоспитанных умах воздвигнут, неизвестно кем, алтарь неведомому Богу».

Восторг Победоносцева вызывает инерция неученой жизни.

«Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории, и сила эта столь необходима, что без неё поступательное движение вперёд становится невозможно».

В центре жизни стоит народный предрассудок, когда простой человек «держится упорно и безотчетно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы», а покушения логики воспринимает как угрозу не одному конкретному мнению, а «целому миру своего духовного представления».

В этом понимании предрассудка К. Победоносцев отрывается от основного направления консервативной мысли, идущего от Эдмунда Бёрка и Н. Карамзина, в котором предрассудок – это добродетель, вошедшая в привычку, это продукт коллективного ума, «общий фонд, хранящий веками приобретенную мудрость нации». Человек с предрассудками у Бёрка – это ходячий концентрат национальной истории.

В победоносцевском же варианте он оказывается ближе к *bon sauvage* – доброму дикарю Руссо и прочих просвещенцев, который в своей простоте и чистоте интуитивно «от природы» знает истину, а любая цивилизация и образование, любой исторический опыт, ему лишь вредят. Разница в том,

что для просвещенцев религия затемняла простоту, а для Победоносцева именно она была центром всего.

Это связано с ориентацией Победоносцева не на английскую, а на французскую традицию консервативной мысли, идущую от Жозефа де Мэстра и особенно любимого Константином Петровичем консервативного социолога Фредерика Ле Пле – Победоносцев перевел и издал его труд «Основная конституция человеческого рода». Для французского консерватизма, в противоположность английскому историоцентризму, характерен натуроцентризм, уверенность в том, что существует естественный порядок вещей, данный Богом и природой, и консервативная миссия состоит в том, чтобы этот порядок не нарушать и не разрушать. Поскольку для любого социолога в XIX веке было очевидно, что государство имеет не природное происхождение, является надстройкой над естественным порядком, то в основу своей натуралистической социологии Ле Пле кладет семью. Именно патриархальная семейная власть является для него основой других форм власти.

Ф. Ле Пле, а вслед за ним и К. Победоносцев, отвергает просвещенческую уверенность в доброте человеческой природы. Без власти, надзора и порядка, предоставленный самому себе, человек развратится. Однако оба консерватора уверены, что под мудрой патриархальной властью простой человек сохранит свою простоту взгляда, свою «инерцию», которую воспевал Победоносцев. В итоге Константин Петрович, следуя консервативному прочтению французской просвещенческой парадигмы, оказывается оппонентом «английской» идеологии консервативного прогресса как накопления традиции, – напротив, любое движение, любое изменение оказывается для него априори движением к худшему, так как удаляет от идеала естественной патриархальной простоты.

И с этим была связана практическая политическая ошибка Победоносцева, из-за которой многие называли его даже виновником Первой русской революции. Константин

Петрович полагал, что Россия надолго останется аграрной страной, а потому широкое народное образование ей не нужно, оно приведет лишь к «мечтаниям». Почитая интуитивное познание истины народом, он, в то же время, презирал его в социальном смысле и был уверен, что, может быть, в Англии народ и готов к новым учреждениям, но в России точно нет и без государственной опеки и надзора мужик пропадет.

В силу дремучести и неучености народа его могут сбить с толку любые подстрекатели и агитаторы. А потому, – вот парадоксальный поворот мысли, – лучше держать образование и критическое мышление от народа подальше. Победоносцев энергично развивал церковно-приходскую школу, но не как инструмент просвещения и мост для перехода русского народа к современности, а как средство задержать введение всеобщего светского образования.

На деле Россия, конечно, была обречена на быструю индустриализацию, если хотела остаться в числе великих держав и сохранить способность защитить себя. А, значит, требовались и всеобщее народное образование, и новые социальные институты. Единственный шанс не сверзиться в пропасть на повороте – быстро пройти путь от патриархально-аграрного уклада к новому обществу с широким слоем собственников и работящих людей, которые, именно благодаря образованию, твердо сознают свои консервативные интересы и сознательно защищают порядок. Шанс на такую перестройку был, как показали реформы П. Столыпина, но тому уже не хватило времени до катастрофы. И не так уж не правы те, кто полагает, что это было то самое время, которое было растрачено мечтаниями Победоносцева сохранить народную простоту.

Как консерватор-скептик и критик К. Победоносцев сохраняет своё значение и по сей день. И дело не только в том, что он разоблачил «великую ложь нашего времени», манипуляции с печатью, судом, выборами в современной

западной системе. Дело в том, что его подозрения насчет общественного активизма оказались совершенно справедливыми. Дума и Печать нанесли смертельный удар русской монархии. От болтологии и «раскрытия общественных сил» не произошло ничего, кроме зла. Освободившись от победоносцевского надзора, «общество» вместе с взбаламученным народом подпустило зданию Российской Империи петуха. Все негативные прогнозы сбылись. Та, якобы, живая жизнь, которой этот «обскурант» противостоял, на деле обернулась лишь мóроком и миллионами смертей.

Беда была в том, что ресурс инерционного сдерживания такого рода движений был ограничен. Порыву социальных сил можно было противопоставить только другой порыв, идее – другую идею, консервативному началу следовало в страстной идейной полемике схватиться с революционным. Ничего такого Победоносцев не делал и других старался не допустить.

К. Победоносцев не смог и не сумел создать того идеологического центра силы, который мог бы противостоять главным бесам революции – интернационализму, разрыву с национальной традицией, атеизму, посягательству на собственность. При этом он критически ослабил основные идеологические очаги, которые могли бы взять на себя роль в идейном сопротивлении революции. В эпоху своего политического могущества Победоносцев вошел как один из многих русских консерваторов. Его воззрения той поры, на первый взгляд, почти неотличимы от славянофильских. Однако затем он категорически отверг славянофильство как политическое мечтательство и осудил попытки искать в русском прошлом модель для реставрации будущего.

Между тем, славянофильская модель формирования русской цивилизации, как конкурентоспособного с Европой и в то же время глубоко оригинального мира, была вполне дееспособной программой строительства общества и нации.

А вот победоносцевская утопия о крестьянах, которые, именно благодаря своему невежеству, интуитивно постигают православную истину и верны престолу, была настоящей фантазией, «бессмысленным мечтанием», обошедшимся реальной России слишком дорого.

Константин Петрович был человеком великого ума и нравственной чистоты. Но диалектике, вопреки тому, как его язвили, он так и не научился. Мысль, что стабильность достигается лишь равновесием напряженных разнонаправленных сил, что жизнь падшего человечества это непрерывная борьба, была ему чужда. И потому как борец за русское дело Победоносцев не оказал ему тех великих услуг, которые можно было ожидать при его уме и талантах.

Что читать о Константине Победоносцеве:

1) К. П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / Вступ. ст., сост. и прим. С. Л. Фирсова; ред. Д. К. Бурлака. – СПб: Издательство РХГИ, 1996;

2) Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары. В 2 т. – Мн.: Харвест, 2003;

3) Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х т. / С предисл. М. Н. Покровского. – М., 1925–1926;

4) *Победоносцев, К. П.* Сочинения. – СПб: Наука, 1996;

5) *Полунов, А. Ю.* Победоносцев. Русский Торквемада. – М.: Молодая гвардия, 2017.